

1.

Реми Эйвери

Реми Эйвери

1.

ИД «Альтерлит»
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Э30

В книге полностью сохранён авторский стиль.
Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично, без
разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке.

Эйвери, Реми.

Э30 1. / Реми Эйвери. — М.: Издательский дом «Альтерлит»,
2026. — 416 с.

ISBN 978-5-4219-0027-6

У Марка редкий вид синестезии: он физически чувствует слова. Каждая небрежная фраза, каждое неудачное сочетание звуков и смыслов может причинить ему боль. Он как никто умеет обращаться со словами, и эта болезненная чуткость приводит его на вершину музыкального Олимпа.

Насладиться славой и успехом не получается — Марка терзают неуверенность, стыд и невидимые шипы. Единственным утешением становятся книги загадочной писательницы Флёр-де-Лис — затворницы, чьи истории будто умеют приглушать его боль. Однако со временем Марк понимает: за приторной красотой её сказок скрыто нечто большее. В текстах Флёр зашифрована тёмная тайна, которая неожиданно оказывается связана не только с самой писательницей, но и с ним самим.

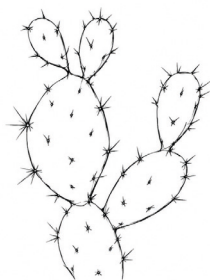
Кажется, автор, годами скрывающаяся от мира, играет с каждым по своим правилам. Чтобы понять, кто такая Флёр-де-Лис и почему её слова обладают над ним такой властью, Марку придётся столкнуться с прошлым, от которого он всю жизнь пытался убежать, и решить, что опаснее: жить в боли или узнать правду, способную разрушить его мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Реми Эйвери, 2026
© ООО «Альтернативная литература», 2026

ISBN 978-5-4219-0027-6

*Посвящается Лене, Ноа
и всем, кто помогал мне
справиться со словами*

СПУТАННЫЙ ЛЕС

1. МАРК

В начале были слова. Возможно, они появились из коробки, которую Марк получил на свой первый день рождения.

В коробке были кубики.

— Ох, заяц, только посмотри, целая дюжина! — восклицала мама.

Она сидела на полу, в домашних джинсах и розовом свитере, раздвинув ноги в стороны, как когда они катали мяч — сначала мама ему, точно в руки, потом он ей, не докатывая до середины — только вместо мяча валялись обрывки упаковочной бумаги.

Марк стоял рядом, слегка раскачиваясь, — уже две недели не ползающий малыш, а, как говорил папа, хомо эректус.

— Дю-жи-на.

Он тут же срыгнул утренним молоком.

— Это двенадцать, — мама поднялась и подхватила его на руки.

Тут видеозапись обрывалась, но Марк помнил, как во рту стало кисло, а на груди, где футболка — сначала тепло, потом сразу мокро и холодно.

В коробке, доставленной к тридцать четвёртому дню рождения, слов было поболее.

«Владей. Пусть каждое из 600 000 спляшет под твою волшебную дудку», — было написано почерком Лейлы прямо на форзаце первого тома словаря.

— Дивно, — сказал он, не здороваясь, как только она сняла трубку.

— Большому Оксфорду — Большой Оксфордский. Не ты ли жаловался в прошлом месяце, что не хватает слов? И в позапрошлом, и три месяца назад, и шесть, и, кто бы мог подумать, дюжину!

Знакомый кислый вкус наполнил рот.

— Где текст, Оксфорд? — Лейла была единственной, кто все ещё называл его по старому прозвищу. — Роди мне лошадь.

— Могу сводить тебя в луна-парк. Куплю сахарную вату и лимонад, покатаю на каруселях, настреляю плюшевых панд.

— Марк, я не шучу. Один трек. Три четверостишия. Нет, лучше четыре. Выпустим сингл.

— Розовая сахарная вата, чтобы перебить горечь разочарования, и большая плюшевая панда. Сможешь бить её каждый раз, когда будет накатывать гнев на меня или очередного твоего балаболистого «щеночка».

— Балаболистый «щеночек», — было слышно, как щёлкнула зажигалка, — собрал, между прочим, Бристоль, Манчестер и Бирмингем.

— Вот видишь, достойная смена растёт.

— Таких достойных до утра в окошко не перекидать. А мне нужен ты.

— Не я.

— Хорошо, не ты, — согласилась Лейла, — твои слова. Всего один текст. Дай мне вторую лошадь.

— И первой-то лучше бы не было. Что ты прицепилась к ней?

— Я напомним тебе. Вот послушай, — она откашлялась и начала декламировать.

— Прекращай, — зашипел Марк.

Тыльная сторона его правой кисти зачесалась: сначала слегка, потом сильнее. Зуд нарастал, словно руку принялись кусать красные муравьи. Лейла читала текст с выражением и нужными паузами, как стихотворение. Зуд перекинулся на левое запястье.

— Тебе нравится надо мной издеваться?

— Я всего лишь хочу, чтобы ты собрался с силами, мозгами, словами и снова сочинил что-то подобное. С нервом, экзистенциально, как умеешь только ты.

— Лучше убей меня и закопай в лесу, — он поочерёдно тёр зудящие руки о джинсы.

Лейла бросила трубку. Зуд стал совсем невыносимым.

Двенадцать томов Большого Оксфордского словаря, набитых словами, походили на ту дюжину кубиков с первого дня рождения.

Кубики были разного цвета и разного размера. Восхитительно странные на ощупь: каждая грань имела свою текстуру. Дерево, пластмасса и металл ему очень нравились. Липкий силикон и ребристая резина будоражили. Шипастые части пугали и одновременно манили. Тряпочные утешали, особенно те, что из искусственного меха.

Трогать кубики пальцами было приятно и немного тревожно, а вот взять в руки, чтобы все ощущения перемешались между собой, Марк не мог. Даже ради мамы, желающей, чтобы он построил башню или гараж для своих маленьких гоночных машинок.

— Ты справишься, — подбадривала она. — Смотри, вот так: берём один, ставим на него другой, и вот этот.

Достаточно было того, что он справлялся со словами. Или сражался уж скорее. Их нельзя было потрогать, как кубики, но они тоже вызывали реакции тела, неожиданные и без исключения неприятные.

Не все слова, конечно. Большая часть проскальзывала легко, как макароны в томатном соусе, которые он обожал, потому что они маленькие, гладкие и глотаются сами — не нужно долго пережёвывать и давиться, как курицей и картошкой. Но некоторые слова застревали в голове и ныли по всему телу.

Пузырь, морковь, облизнулся, лужайка.

Мама никак не могла понять, почему он требует вымыть ему и так чистые ладони — после услышанного по телевизору слова *магнат* Марку казалось, что его руки по локоть выпачканы чем-то тёмным и тягучим, как смола.

Чёртова *гюжина*, явившаяся вместе со странными кубиками, положила начало его странному недугу.

До трёх лет он молчал, обходясь всего двумя словами: *мама* и *лолуга* — серый волк по-французски. Двоюродная тётка из Камарга подарила ему огромную книгу-панораму про Красную Шапочку. Топорщился картонный лес, играла музыка, и если открыть специальное окошко, волк, одетый в форму Манчестер Юнайтед, тоненько говорил: «Je suis le loup gris!».

Общаться он предпочитал знаками и мог изобразить всё, что угодно, даже как по линии электропередач тянутся провода. Постепенно разговорился, но к моменту, когда научился изъясняться полными предложениями, вера в здравомыслие взрослых в нём пошатнулась, хотя ему не исполнилось и четырёх.

Дело было в именах.

То, что его зовут Марк Кейн, стало неприятным открытием. Эта реальность, данная ему, как назло, в ощущениях, напоминала что-то деревянное — короткие палки или, может, дощечки, которые не приладить друг к другу. Он бы предпочёл быть Сэмом, Оливером или Лукасом, но родители бездумно (он даже на секунду не мог допустить мысль, что они специально) называли его Марком. Видимо, им было совершенно всё равно. Тогда он и не представлял, насколько плохо могут обстоять дела у других детей.

В детском саду оказалась Лиззи Нильсен. Марк отказывался садиться с ней рядом, потому что каждый раз, когда он слышал её имя, ему казалось, что она с ног до головы вымазана соплями. От Генри Харриса чихалось, кололо и чесалось, словно под рубашку сунули охапку соломы, на труху от которой у Марка была аллергия. А когда нужно было обратиться по имени к воспитательнице, рот будто наполнялся жидкой грязью. Марк по-собачьи высовывал язык, и его тут же сажали на специальную скамеечку думать о своём поведении — мисс Салли не терпела хулиганов.

Ни тогда, ни позже ему не приходило в голову, что не все столь восприимчивы. Он смотрел с непониманием, как люди бездумно сочетают имена и фамилии, существительные с прилагательными, подлежащие со сказуемыми. Такая бездумность граничила с безжалостностью, и это потрясало. Никто не поливает шоколадный торт мясным соусом, почему они делают такое со словами?

Зимородок, товарищеский матч, влять, черновик.

От услышанного в третьем классе термина *сослагательный* его стошнило на парту.

К тому времени он уже сносно читал. Слова на бумаге теряли часть своей силы. Ослабленные, как патогены в вакцинах, они медленно формировали у Марка иммунитет.

В десять лет он понял, что некоторые книги можно принимать, как выдохшуюся колу при желудочном гриппе — постепенно перестаёт крутить в животе, и тошнота не подкатывает к горлу. Хорошо шли «Матильда», «Алиса в Зазеркалье», «Ветер в ивах» и истории про Нарнию.

В старшей школе он употреблял в этих целях Ле Карре, Вернона Салливана и «проклятых поэтов». Если от какого-то особенно мерзкого словосочетания мышцы скручивало фантомными судорогами, Марк повторял про себя, как мантру: «О мышах и людях, о мышах и людях», пока не отпускало. Весь Стейнбек был не сильнее пара-

цетамола при открытом переломе, но почему-то название именно этой книги несло облегчение — такая скорая помощь. Скорейшая даже, как пластиковый тубик с адреналином против анафилактического шока.

Тогда же Марк начал писать сам. В два-три предложения он умудрялся вместиť целую историю с завязкой, кульминацией и развязкой. Первый раз это произошло после того, как Ник Бейкер со своей бандой закрыли мистера Картера, учителя истории, в библиотечном шкафу. Шкаф стоял в комнате, прилегающей к библиотеке и больше был похож на гардероб. В него помещались три стеллажа со старыми брошюрами и, как выяснилось, мистер Картер.

К немалой досаде Бейкера, увлечённый поиском, а потом и чтением нужной книги, учитель истории даже не понял, что произошло. Спустя час его отперла библиотечка.

«В шкаф изнутри постучались», — написал Марк.

Ему было жаль рассеянного, не любящего конфликтов и шума, обитающего мыслями где-то в битве при Гастингсе мистера Картера.

Обрывки бумажек с зарисовками школьных событий ходили сначала по партам, потом по классам. Некоторые из них добирались до письменного стола директора.

Звездой Марк не стал, в школе больше ценились спортивные успехи. Особого значения своей писанине он не придавал. Зарисовки забавные, да, не более того. Любой, кто хоть сколько-нибудь внимателен к выбору слов, способен сложить их в связный, наполненный нужными смыслами текст.

Другое дело работы по английской литературе. Не то чтобы он блистал в этом. Въедливая мисс Прайс и Рёскину, и Барнсу нашла бы, где ещё надо подтянуть навыки анализа текста, но он и правда лучше всех в классе мог определить художественные выразительные средства и дать им внятное объяснение.

Это было легко. Стихотворение, рассказ или отрывок повести раскрывались перед ним, как поле настольной игры: если знаешь правила, то без труда скажешь, почему фишки расставлены именно так, и какие ходы привели к этому. Тропы, фигуры речи, Марк взвешивал каждое слово, каждый речевой оборот на своих внутренних весах, отбрасывал шелуху и формулировал выводы в не слишком изящные, но добротные эссе. Мисс Прайс удавилась бы скорее, чем призналась, что ждёт каждое из них с замиранием сердца.

Он мог бы выбрать юриспруденцию, политику, философию или психологию, но словно безмозглый баран — именно так он себя ощущал — отправился на заклание в оксфордский Тринити колледж на факультет английского языка и литературы. Много позже на вопрос психотерапевта «что же вами двигало в тот момент?», он ответит всего лишь одним, терзающим кожу невидимыми, как у плодов опунции, шипами, словом *стыд*.

Зуд в руках не унимался. Кожу жалили уже не муравьи, а безжалостные осы.

★ ★ ★

В тот день они говорили про *опунцию*.

На психотерапевте настоял Тони. Состояние, когда Марк за три месяца не смог выдавить из себя ни одной строчки, он уважительно назвал творческим кризисом и сосватал ему Веру. Зная Тони, можно было ожидать, что на стене у терапевта вместо дипломов будет висеть жетон об успешном окончании программы двенадцати шагов избавления от алкогольной зависимости.

Вера удивила его. На вид ей было лет сто. Нежная британская роза — светлые волосы уложены в ровное каре, кружевной воротничок на шёлковой блузе, кукольные пальчики унизаны кольцами. Когда в первую их встречу

Вера вышла из-за стола, чтобы поздороваться, стало видно, что на ней под красного цвета жакетом узкие бриджи и высокие кожаные сапоги для верховой езды.

Он так и не выяснил, посещает ли она конюшню, или это просто такой стиль, но чёрный стек неизменно стоял возле её кресла. Марк фокусировал взгляд на его рукоятке, когда в очередной раз начинал врать.

Слово *опунция* было связано с Перл, но признаваться в этом Вере, а значит и самому себе, он не желал, хотя прошло уже больше двадцати лет.

Пасхальные каникулы родители предпочитали проводить на греческих островах. Кактус, выше его ростом и с колючками в целый дюйм, рос в саду виллы, которую они снимали.

— Это опунция, не трогай её, пожалуйста, очень опасно, — ему было уже восемь, а мама все ещё разговаривала с ним как с трёхлеткой.

Он и не трогал, не дурак ведь, но посмотреть всё равно было интересно. От бесполезного бассейна — вода к их приезду ещё не успевала прогреться — нужно было пройти влево и спуститься на три ступени. Кактус выглядел, как сказочный зверь с широкими плоскими лапами и оранжевыми ушами-шишками. Марк точно не трогал их, просто потянулся погладить, но не достал. И, конечно, ничего ужасного не произошло, просто через какое-то время закололо руки. Сначала несильно и скорее неприятно, чем больно, а потом совсем уж невыносимо, будто в кожу впились невидимые иглы. Потрясённый коварством опунции, он рыдал, пока мама пинцетом для бровей вытаскивала тонюсенькие прозрачные шипы. Плакал не от боли, а от обиды, и потому, что соседка Лидия, которую позвал в панике папа, не затыкаясь причитала: «Боже, какая жалость! Бедный ребёнок, какая жалость! Какая жалость!». От этих слов казалось, что в руки впивается новая порция опунциевых иголок.

Какая жалость!

Вернувшись с каникул домой, он первым делом рассказал об этой истории Перл, умолчав, конечно, о слезах.

Перл, в сереньком платице, взъерошенная, как птичка, слушала его с тревогой и интересом. Ей было уже десять. Они дружили четыре года, с той осени, когда родители Перл переехали в уважаемый Оак Хилл, в котором Марк жил с рождения.

Хоть Перл и была старше, ростом она едва доходила ему до плеча. Приятельство их началось с того, что она научила его словам *жопа* и *загнища*, избавив от неловкости произнесения вслух кисельно-ясельной *попы* и совсем уж натужного, как смех клоуна, выражения *мягкое место*.

Про то, откуда берутся дети, ему тоже рассказала она.

— Люди занимаются сексом. Женщина от этого становится беременной, и из неё выходит ребенок. Мальчик или девочка. Зависит от того, кто на ком лежал.

— Чем занимаются?

Марку представилась пара виолончелистов, склонившихся над нотами — такую сцену он видел накануне, когда его детский сад водили на рождественский концерт в церковь.

— Сексом, — Перл посмотрела на него поверх игрушечных пластиковых очков. — Не знаешь, что это?

Она взяла его лохматую черную гориллу, свою Барби, задрала ей юбку до пояса и прислонила игрушки лицом друг к другу. Бежевый плюшевый банан, пришитый к нижней лапе обезьяны, тёрся о голые ноги и живот куклы. Смотреть на это было неприятно.

Пару месяцев спустя, когда мама на его прямой вопрос о детях залепетала что-то про яйцевую клеточку, папино семечко и крепкую до неба любовь, Марк оборвал её на полуслове и сказал:

— Если ты не в курсе, то люди для этого занимаются сексом. Или трахаются. Или сношаются. Как ты вообще смогла меня родить, если не знаешь таких простых вещей?

Дружить с Перл ему после этого не запретили.

Марк не был в неё влюблен. Просто она прекрасно понимала его: про слова и про коварную опунцию с её невидимыми шипами; и про тупую Лидию, от криков которой становилось только хуже, тоже всё поняла очень хорошо.

— Она не хотела тебе помочь. Не хотела выразить сочувствие. Наоборот, Лидия хотела тебя застыдить, понимаешь? — Перл считала, что разбирается во всём, что касается отношений. — Её слова «какая жалость» означали: «Ты, Марк Кейн, тупица и хулиган. Ты получил по заслугам!». Или даже хуже. Может, она имела в виду, что ты проклят, и теперь эти невидимые шипы останутся в тебе навсегда. Болит сейчас?

— Нет, — соврал Марк. — Мама достала все шипы до одного.

В том, что на него действительно наложили проклятие, он не сомневался ни одной секунды — кожа на руках зазудела ещё до того, как Перл произнесла целиком слова *какая жалость*.

Поделись он этим с Верой, она бы отметила, что первопричина всё-таки в старой сукке Лидии, и плясать надо от неё. И оказалась бы не права. Плясать надо было не от Лидии с её пронзительным голосом и сухими пальцами, которыми она норовила ущипнуть его за щеку, а от того дня, когда он в очередной раз вернулся с греческих каникул и увидел Перл

— Как там опунция? — спросила она как ни в чём не бывало.

Видимо, ей и в голову не приходило, что её стало не узнать. В его отсутствие Перл как будто сдали в цирк за плохое поведение, и неумелый клоун сделал из неё шарик-колбасу. Вытянул её вверх, так что теперь не она Марку, а он ей был головой по плечо, и выпятил в майке два огромных мяча. Ладно, не огромных, а как теннисные или, может, крикетные, но раньше, до его отъезда на Корфу, у неё под платьем было совсем плоско. Волосы

она выкрасила полосками: красными и жёлтыми, как хвост у соседского петуха.

Марк позорно сбежал, наврав, что обещал родителям разобрать вещи. Больше они не разговаривали. Он встречал её на улице, но каждый раз Перл была не одна, на ней все время висела Тана. Сисек у Таны не было, но был рот, так густо покрашенный розовой помадой, что казалось, сомкни она губы, больше они не разлепятся.

К счастью, лето подходило к концу. Марка ждала новая школа. Он переходил из начальной в среднюю, в Хаммерсмите. Ездил в неё уже сам, на двух автобусах. Другие учителя, другие порядки, другие требования, совсем другая жизнь. Думать о Перл было просто некогда.

Никаких коробок на двенадцатый день рождения ему не подарили. Он сам выбрал велосипед, чёрный, с красными языками огня на раме и стойке руля. Его доставили накануне. Стоило большого труда уговорить маму не цеплять на седло большой алый бант — очень не хотелось стать посмешищем для новых друзей. Но от праздничной программы отвертеться не удалось. К счастью, всем было весело. Марк и сам хохотал, когда все по очереди пытались с завязанными глазами достать из таза с водой яблоко без помощи рук, одними зубами.

От старой чёрной банданы, которую мама мягко затянула ему на затылке, пахло стиральным порошком и бензином, от неожиданно холодной воды — хлоркой, от яблока — воском и прелыми листьями. Марк и не собирався его ловить, достаточно было того, что он под одобрительные смешки окунулся уже несколько раз.

— Давай, Кейн, давай! — он чуть не захлебнулся, услышав голос неизвестно откуда взявшейся Таны.

Сорвав повязку с лица, он увидел её возле стола, на котором стоял торт с дюжиной воткнутых свечей.

— Не получилось! Не получилось! Какая жалость! — Большой рот приблизился к нему так, что он увидел

катышки, в которые свернулась помада на толстых губах. — Какая жалость!

Рядом стояла Перл с подарком в руках. Она растерянно смотрела на растрёпанного, вымокшего почти до пояса Марка. На какое-то мгновение ему показалось, что в её глазах промелькнуло сочувствие.

Острые, тонкие, невидимые шипы опунции впились ему в руки с такой силой, что казалось, кожу ошпарили кипятком. Взыв, Марк опустил кисти в таз с ледяной водой. Легче не стало.

Родители четырежды водили его к врачу. Осмотрев чистую, без единого пятнышка кожу, доктор давал рекомендации: больше пить воды и меньше смотреть телевизор. Не получив никакой помощи в очередной раз, Марк собирался закричать, что ненавидит эту сраную больницу, этого сраного доктора и свои сраные руки, но, открыв рот, только беспомощно разревелся.

Мама молчала. В супермаркете, куда они заехали купить еды, она смела с полок все банки и бутылки с кремами, которые только были — и в косметическом, и в аптечном отделе. Чудо произошло. Самое дешёвое средство, молочко для тела с экстрактом овса, пусть не уняло зуд полностью, но сделало его выносимым.

Марк потом покупал эти бежевые плоские бутылочки с дозатором десятками, не выходил из дома без пары: одной начатой, одной запасной. Набивал чемодан, отправляясь на гастроли, хотя их можно было найти в любом магазине, в любой аптеке — просто не хотел рисковать. Боль обострялась даже от капли стыда.

На каждом концерте, где Марку нужно было выйти на сцену, открыть рот и исполнить в микрофон дюжину своих хитов, слова в которых были идеально подобраны, выверены и зарифмованы, стыда плескался целый океан.

— Как думаете, этот, как вы образно выразились, океан, — Вера каждый раз выдвигала очередную гипотезу, — может ли он быть связан с ощущением, что вы

отдали себя не тому делу? Ваш творческий ступор, не является ли он своеобразным саботажем?

Марк не знал, что ответить. Конечно, он не был на своём месте, не был своим в музыкальной индустрии. Чтобы читать со сцены рэп, не обязательно расти в гетто, состоять в уличных бандах, закаляя характер драками и приводами в полицию. Но и вечно рефлексирующим ссылком тоже быть нельзя.

Вера морщилась, когда он так говорил. Впрочем, и не спорила с ним. Оба они сходились в одном: Марку не хватало здоровой агрессии, обращённой не на себя, а к миру. Это было видно по текстам. Публика может так и не считала, но ему самому стихи казались пустыми и вялыми. Обладая невеликой художественной ценностью, они едва держались на ходулях претенциозности и аллегорий.

— Обидно родиться рыбкой, страдающей аллергией на воду, — Вера начала сеанс с метафоры, которая, наверное, казалась ей удачной.

Она не спрашивала, а утверждала. В голосе — тщательно отмеренная доза осторожного сочувствия. Ни унцией больше, ни унцией меньше. Ровно столько, сколько Марк будет способен выдержать без овсяного крема.

— Мне не обидно.

Перед глазами снова встала Перл в первоначальной своей ипостаси — тощая, никого не боящаяся девочка с острыми плечами и коленками, одарившая его, четырёхлетнего, выражениями *упрямая ослина*, *идиотина* и *не баран чихнул*. Она умела сохранять невозмутимое выражение лица, когда кто-то дразнил её или говорил гадости, только губы мгновенно надувались, и сразу становилось понятно, что ей действительно обидно.

Наверное, он бы хотел увидеть это ещё раз. Сказать ей спокойным равнодушным голосом, что она никогда не нравилась ему, вообще никогда, ни в серых сиротских пла-

тях, ни тем более с крикетными мячами под футболкой, что рядом с Таной она выглядела, как шлюха, как малолетняя шалава. И смотреть, как приоткрывается рот, как розовеет нижняя губа, вспухает, будто от ментоловой мази или несильного удара.

Марк представил, как бьёт её утыканной невидимыми шипами тыльной стороной кисти, и сразу опустил глаза — картина была одновременно утешающей и отвратительной.

— *Que j'ai puni sur une fleur l'insolence de la Nature*, — процитировал он вслух.

Вера встрепенулась.

— Поразительно точные ассоциации! — Она дотронулась до зубчатого кончика воротничка на блузке. — «Я надругался над цветком, обиженный природой дерзкой». Давайте поговорим о природе обиды и посеянных ею цветах зла.

За почти год он хорошо выучил её нехитрые приёмы и пользовался ими аккуратно, не перегибая и не переигрывая. Немного сомнения на лице, понизить голос, взгляд увести вниз, слегка отклониться — дать понять, что чуткие профессиональные пальцы нащупали очередной кластер вытесненной боли. Удивиться (одна бровь медленно ползёт вверх), задержать дыхание (грудная клетка перестаёт подниматься под свитером), выказать сопротивление (плечи напрягаются), но собраться с духом (глубокий вдох), дать разрешение повести за собой (да, давайте посмотрим, что же там, ведь мы тут для этого), сфокусировать взгляд на рукоятке стоящего сбоку от кресла стека (вы когда-нибудь расскажете мне, для чего он тут?) и начать врать.

Это была вынужденная необходимость. Вере он доверял, терапевтические отношения, как она это называла, у них сложились, но пустить её дальше, указать правильную сторону для движения он не мог по двум причинам.

Во-первых, его всё устраивало. Работа идёт. Находящаяся в затяжном творческом кризисе звезда британского хип-хопа Марк Кейн прикладывает все усилия, чтобы вернуться и порадовать терпеливых фанатов новыми треками.

Он последовательно перепробовал разные подходы: алкоголь, витамины, беспорядочные половые связи, самоповреждение, экстремальные виды спорта, шаманские ритуалы, аскезу. Понял, что не помогает и остановился на пробежках и психотерапии. Лейле и Тони не оставалось ничего, кроме как восхищаться его упорством и целеустремлённостью. А то, что результата как не было, так и нет — ну, таков творческий процесс. Его не приручить и не обуздать. Можно только ждать. Или, потеряв терпение, принять горькую правду: Марк Кейн исчерпал себя. Давайте отпустим его уже с миром на все четыре стороны.

Вторая причина хранилась в потайном, всегда застёгнутом на молнию кармане его рюкзака.

Сокровище. Случайно обрётённый священный Грааль. Божья или сатанинская — тут он не был уверен — благодать, явленная ему в кофейне, где делали его любимый кофе холодной заварки и черничный пирог. Кто-то забыл там на столике книгу. Было видно, что её много читали — мягкая обложка затёрта и надорвана у корешка, сероватые страницы разбухли и топорщатся, не помещаясь в переплёт. Марк собирался отнести её баристе, но не удержался и открыл где-то на середине.

Слова поглотили его. Он провалился в них, как в пыльное пуховое облако, плыл среди них, пропитывался ими, как прогретой до температуры его собственного тела морской водой.

Никто, кроме татуированного баристы, не заметил, что произошло.

— Спасибо за кофе, — Марк отставил тарелку с недоеденным черничным пирогом, закрыл книгу и поспешно

убрал её в рюкзак, боясь, что ему скажут вернуть её на место.

— Торкнуло, чувак? — кивнул бариста понимающе.

— Похоже на то, — Марк поднял для прощания руку и вышел в новую, незнакомую ему доселе реальность.

Тяжёлая дверь кофейни распахнулась и выбросила его в тёплый июньский день. Мягко светило солнце, благоухали розы, где-то вдалеке звенел трамвай — галлюцинации всё ещё продолжались. Он снова огляделся, накинул на плечо рюкзак, и реальность встала на место: та же серая зимняя улица, по которой он пришёл сюда, затянутое хмарью небо, горьковатый запах растопленных каминов.

Его не катапультировало в будущее, он не очнулся в теле японской школьницы, не просветлился, не причастился квантовой физики. Просто кто-то нажал кнопку «Выкл», и невидимые шипы опунции лишились своей силы. Они никуда не исчезли, Марк, как и прежде, чувствовал каждый из них, но больше не было больно. Совсем. Его будто подключили к невидимой капельнице с анестезией.

Эффект прошёл к ночи, когда от Лейлы пришло сообщение с вопросом «где текст?». Опунциевые шипы очнулись, закололись, начали зудеть с удвоенной силой. Прежде чем схватиться за бутылку с кремом, Марк поднял с пола рюкзак, нащупал книгу, встал под включённую лампу, резко, порвав ещё больше корешок, открыл на случайной странице и начал читать.

Накатившая волна тёплой морской воды унесла с собой боль без следа.

Как бы он объяснил это своему психотерапевту? Какими словами?

Я нашёл обезболивающее, вызывающее привыкание средство, на котором сидит большая часть грамотного населения планеты Земля. Принимаю его пару раз в день или по необходимости. Это книга. Я видел у вас на столе точно такую же, только в зелёной обложке и с королев-

скими лилиями на золотом обрезе. Что происходит с вами, Вера, когда вы открываете её? Вы тоже всплываете в космическую невесомость, или это я сошёл с ума? Конечно, давайте поговорим о посеянных цветах зла, но не обо всех, а только об одном, конкретном. На французском языке оно имеет название Флёр-де-Лис.